

Все это – наша история

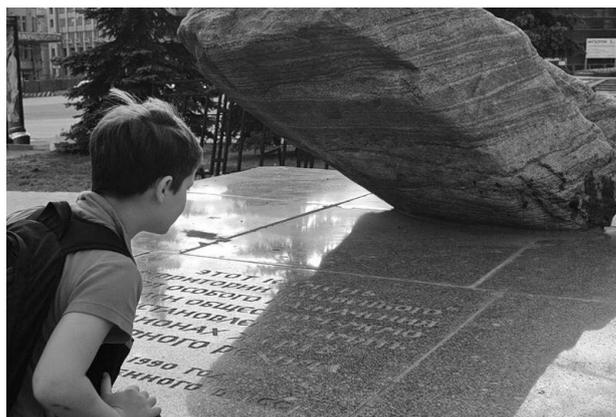
М.В. Буторин, кандидат исторических наук, доцент. Член Союза журналистов России, Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автор нескольких монографий, учебных пособий, более 50 научных публикаций, а также ряда художественно-публицистических произведений. Избирался депутатом Архангельского областного Собрания депутатов, председателем областной организации «Совесть», возглавлял региональные отделения политических партий. Организатор и участник экспедиций «Щелья-2» по Белому морю. Организатор доставки с Соловецких островов камней-валунов в Архангельск и Москву.

Два события, о которых пойдет речь, никак не связаны между собой. У каждого из них своя история. Но есть нечто общее, что их объединило, – о них узнала не только вся наша страна. Информация об этих событиях стала известна далеко за ее пределами.

Знать и помнить

Сейчас, спустя много лет, кажется, что все это было давно. Событие, состоявшееся тогда, имело особое значение для сегодняшнего дня и будущего. Ровно тридцать лет назад впервые официально был отмечен этот день – как День памяти жертв политических репрессий. В Москве, на Лубянской площади, состоялось открытие памятника – Соловецкого камня, доставленного с островов Белого моря. Такой же валун, доставленный с Соловков, в этот же год был заложен в Архангельске. Позднее, в 2002-м году, Соловецкий валун был установлен в Санкт-Петербурге.

Как получилось, что именно Соловецкий камень стал символом России, памятником скорби и напоминанием о прошлом?

Никакой памятник не заменит Соловецкий камень

Тогда, в конце восьмидесятых годов, тема массовых политических репрессий была, пожалуй, одной из актуальнейших. Впервые после хрущевской оттепели у людей появилась возможность говорить об этом прямо и открыто. Но мы, активисты, понимали, что грядущие перемены в политической, экономической и социальной жизни в стране могут отодвинуть на задний план эту тему, предать ее забвению.

В то время я работал в Архангельске и возглавлял региональную общественную организацию, которая, в отличие от московского

«Мемориала», называлась «Совесьть». Много самых разных мероприятий было проведено тогда с нашим участием. Но что еще нужно было сделать, чтобы информация о трагическом прошлом сохранилась в памяти людей на века? Вариантов перебрали немало. В итоге остановились на валуне, который и решили привезти с Соловков, оттуда, откуда когда-то, по сути дела, начинала формироваться в нашей стране система ГУЛага. К тому же этот остров – на Беломорье, в границах Архангельской области. Правда, приходила мысль и о грандиозном памятнике, но в то время все понимали, что не осилить. Следует отметить, что разговор о Соловецком камне ранее всплывал и в Москве, но все как-то откладывался. Мы решили реализовать идею.

В том же 1990 году вместе с архангельским архитектором Геннадием Ляшенко первым теплоходом отправились на Соловецкие острова. Для нас было важно отобрать среди многочисленных находящихся там валунов именно такой камень, который стал бы памятником в Архангельске. О нашей затее, а потом и о предстоящей поездке узнали в Москве и попросили: «Повезете для себя, и для нас валун прихватите».

– Какой именно?

– Да какой привезете, – последовал ответ.

С перевозом камней с Соловков до Архангельска особых сложностей не возникло. Северное морское пароходство доставило валуны Белым морем первым проходящим грузовым теплоходом. С архангельским камнем оказалось проще: установили уже на выделенное городскими властями место.

Сложности возникли с валуном для Москвы. Железная дорога, перегруженная перевозками, – еще продолжала действовать советская планово-распределительная система, – категорически отказалась его отправлять. А время между тем поджимало, приближался конец августа. Решением Моссовета уже было определено место под будущий закладной камень – Лубянская площадь, согласована дата официального мероприятия. Надежд, что его отправят, не оставалось. Никакие уговоры не действовали. Выход оставался один – обратиться за помощью в министерство путей сообщения, которое к просьбе, нужно отметить, отнеслось с пониманием: через два дня валун уже был в Москве. Возникшая заминка, кто станет его получателем, разрешилась так же быстро. Моссовет в тот же день прислал телеграмму – взять на себя эти заботы. Больше всего удивила оперативность и организованность общественности.

Сложилось впечатление, что все было подчинено одному – будущему памятнику. За месяц с небольшим сделали мраморный постамент, на который величаво лег Соловецкий валун, обустроили территорию. На постаменте были высечены слова поэтессы Анны Ахматовой «Хотелось бы всех поименно назвать...». Они и сегодня встречают каждого проходящего сюда. Слова, которые говорят сами за себя. И действительно, хотелось бы

всех вызволить из небытия. Но сделать это невозможно. Немало и по сей день остается людей, чьи следы навсегда затерялись на необъятных пространствах ГУЛага.

И наступил долгожданный, для всех нас памятный день

30 октября 1990 года Соловецкий камень, проделав большой, более чем в полторы тысячи километров, путь, предстал перед жителями столицы и многочисленными гостями. С тех пор прошло уже тридцать лет, а в памяти до сих пор это растянувшееся на сотни метров людское море. Впервые в российской истории этот день отмечался официально, объявленный как День политзаключенного в СССР (с 1991 года он стал называться – День памяти жертв политических репрессий). Когда колонны обступили Соловецкий камень со всех сторон, образовав не одно кольцо, начался митинг. Говорили бывшие политзаключенные, говорили от имени тех, чьи уста навеки замкнуты. А потом вспыхнули сотни свечей, и цветы легли к подножию камня, став неповторимым символом страны и ее непростой и сложной истории. Это и память о прошлом, это и назидание будущему.

– Лучше памятника, чем этот камень, и не придумаешь, – отмечали многие, оказавшиеся в тот день на Лубянке.

Эта мысль потом звучала не раз. Никто уже не помышлял ни о каком другом памятнике.

Ежегодно 30 октября – в День памяти жертв политических репрессий – собираются люди около Соловецкого камня. В Москве, как и в Санкт-Петербурге, и по всей стране, в этот день проходят поминовения безвинно убиенных.

И сколько бы лет ни прошло, трагическое прошлое просто так из истории не вычеркнешь. Еще живы свидетели (правда, с каждым годом их становится все меньше и меньше), которым есть что рассказать о зверствах тоталитарного режима. Приходят родственники: ведь далеко не все знают места захоронения своих родных и близких, да и установить эти места невозможно: людей хоронили, не оставляя никаких следов и признаков. Так что Соловецкий камень стал самым святым местом в России, символической братской могилой, куда можно прийти и помянуть безвинно убиенных.

Нужно отметить, что Соловецкий камень в Москве, на Лубянской площади, стал традиционным местом встреч по самым различным поводам. Здесь собираются, чтобы почтить память о погибших в локальных войнах,

проявить гражданский и народный протест против существующей несправедливости, помянуть погибших в террористических актах... Сюда приходят люди, чтобы выразить свое отношение и мнение к прошлому и настоящему. 22 августа 2009 года, в канун дня церковного поминовения новомучеников и исповедников Соловецких, была проведена акция «Соловецкая свеча»: православные молодежные организации Москвы выступили с призывом воздвигнуть на Лубянской площади столицы православный крест и часовню-памятник. Акция совпала с паломническим визитом на Соловки патриарха Кирилла. Несколько десятков молодых людей с флагами патриотической организации «Народный собор», молодежного движения «Георгиевцы», организации «Боевое братство» зажгли свечи на Лубянской площади у Соловецкого камня. Свечи возгорелись от огня, который был доставлен накануне на самолете из Голгофо-Распятского скита на острове Анзер Соловецкого архипелага.

Одной из масштабных и по-своему беспрецедентной, проведенной впервые, стала акция «Возвращение имен». В 2007 году ее провело правозащитное общество «Мемориал». В течение всего дня у Соловецкого камня зачитывались имена жертв «большого террора».

Продолжалась акция ни много ни мало ровно двенадцать часов. У Соловецкого камня установили своеобразную кафедру, за которую, сменяя друг друга, вставали люди и читали имена жертв репрессий тридцатых годов. Из динамиков звучали приглушенная траурная музыка и сухая статистика – имя, отчество, фамилия, профессия, возраст и дата расстрела... В списках – представители всех профессий и слоев населения.

Заметим, только в одной Москве в годы «большого террора» были расстреляны более тридцати тысяч человек. А сколько всего безвестно пропавших по всей стране! Точной цифры никто и никогда, наверное, не назовет.

Не потому ли Соловецкий камень стал притягательной силой для всех поколений. Стал особым символом, без которого, наверное, трудно было бы сегодня представить Лубянскую площадь в Москве.

Память о национальных трагедиях так же священна, как и память о победах

Большой порыв, который был свойственен государству и обществу в конце минувшего века, связанный с увековечением памяти жертв политических репрессий, похоже, иссяк. Завершена реабилитация пострадавших, изданы Книги памяти, установлен ряд захоронений. Выполнив поставленные задачи, правоохранительные органы отошли от дел.

Не тот пыл сегодня и у общественности, хотя эти люди, в отличие от государственных мужей, продолжают нести свой крест. Именно благодаря им во многих населенных пунктах 30 октября проводятся Дни памяти, продолжается поиск и установление мест захоронений. Но делается это чаще

всего на энтузиазме людей, который еще продолжает жить в них. А сделать, если говорить о возвращении из небытия каждого, кто пострадал от тоталитарного режима, предстоит немало. Хватит ли только на все это сил? Или просто многое со временем канет в Лету?

Вопрос состоит не в том, чтобы каждый день жить прошлым. Но и предавать забвению его тоже нельзя. Хотя бы ради того, чтобы не повторять ошибки прошлого. Память об этом должна жить вечно. Соловецкие камни, установленные в 1990 году в Москве и Архангельске, а позднее и в Санкт-Петербурге, об этом, думаю, будут всегда напоминать. Не отсюда ли пошло, что в основу многих памятников о многочисленных жертвах политических репрессий стали класть именно валуны? Их сейчас можно встретить по всей стране, во многих городах, поселках и селах.

Поэтому раздающиеся иногда заявления наподобие такого, как «хватит ворошить прошлое», вряд ли являются оправданными. Оценку этому несколько лет назад впервые дал официальный Кремль: «До сих пор можно слышать, что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями... Никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь... Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни... Мы много внимания уделяем борьбе с фальсификацией нашей истории. И почему-то зачастую считаем, что речь идет только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны... Не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ».

Это и есть ответ на вопросы, что будоражили общество все эти годы. Вопросы, которые еще предстоит решать. И не думаю, что они будут разрешены очень быстро. Чтобы осознать в полной мере размеры национальной трагедии, которая произошла в нашей стране в двадцатом столетии, понадобится время. И, думаю, немалое. Но какое время нам нужно, чтобы «враг народа» заслужил в государстве и обществе почет и уважение?

Хождение за три моря... в древнюю Мангазею

Судьба свела их случайно...

Их было двое – мой однофамилец, помор Дмитрий Буторин, и писатель Михаил Скороходов. Судьба свела их случайно. Дмитрий Андреевич, северянин по рождению, всю свою трудовую жизнь посвятил морским промыслам, а Михаил Евгеньевич – родом из Казани, но многие годы

проработал в газетах Севера. Выйдя на пенсию в середине 60-х годов, Буторин решил пройти путем поморов до места, где была расположена легендарная Мангазея – когда-то крупнейший торговый центр XVII века.

«Щелья» – так назывался списанный карбас, который Дмитрий Андреевич купил у местного колхоза. В течение зимы отремонтировал, просмолил, а его супруга Манефа Ивановна сшила паруса. Вместе со Скороходовым собрали необходимое снаряжение. 14 мая 1967 года, как только по реке Северная Двина прошел ледоход, от пристани Архангельского яхт-клуба экипаж «Щельи» отправился в далекое плавание. Его провожала небольшая группа писателей и журналистов. Д.А. Буторину и М.Е. Скороходову предстояло проплыть три моря – Белое, Баренцево и Карское – в условиях сильного весеннего ледостава. А через два полуострова – Канин и Ямал, – лежащих на пути следования в Мангазею, тащить карбас волоком по

суше – там, где не было водных разводий. Словом, идти путем, как в прошлом ходили поморы, не отступая ни на один километр от намеченного маршрута. Баренцево и Карское моря в тот год оказались настолько забиты льдами, что даже большегрузные суда вынуждены были простаивать, ожидая благоприятной обстановки. А они медленно, но продвигались на своей шутевой посудине. Многолетний опыт капитана карбаса помог преодолеть льды, не сбиться с пути в частых туманах и неблагоприятных погодных условиях... Через три с небольшим месяца – 20 августа – экипаж легендарной «Щельи» был на месте развалин Мангазеи. Здесь же, на небольшом холме, был установлен памятный знак.

Карбас сохранить не удалось...

Известность пришла сама по себе. По мере продвижения легендарной

«Щельи» вдоль побережья Северного Ледовитого океана интерес к ее экипажу возрастал, и в конечном итоге об уникальной экспедиции узнали в каждом уголке СССР. За ходом плавания внимательно следили и за рубежом. Интерес к нему был настолько большой, что информацию запросили более сорока иностранных информационных агентств, а еще редакции многих газет и журналов.

Плавание «Щельи» было и остается удивительной страницей в истории Русского Севера. И тем печальнее, что сейчас о нем практически забыли. А ведь его значение было трудно переоценить. Так, сразу же после его завершения на заседании Академии наук СССР, возглавляемой тогда

академиком М.В. Келдышем, был заслушан подробный отчет экипажа парусно-моторного карбаса об экспедиции. На следующий год на месте когда-то «златокипящей» Мангазеи Институт Арктики и Антарктики провел раскопки. Начались многочисленные экспедиции на Север. Северный морской путь с этого времени становится одним из основных транспортных коридоров страны. К сожалению, сам легендарный карбас сохранить не удалось. Его просили передать на память музеи Москвы, Ленинграда и, разумеется, Архангельска, но капитан «Щельи» на все многочисленные просьбы отвечал отказом. Карбас, выдержавший все испытания, что вызвало удивление даже у бывалых моряков, он решил подарить своей родной Долгощельской школе – той, которую когда-то сам окончил. Век суденышка, установленного под открытым небом, оказался недолгим, и его фрагменты находятся сегодня в Архангельском морском музее.

Кстати, маршрут, пройденный «Щелью», впоследствии пытались повторить многие. Но безуспешно. Экспедиции приходилось эвакуировать, как правило, на полпути следования в Мангазею. Север, оказывается, покорить не каждому дано.

Новая экспедиция под тем же самым названием

Эта удивительная экспедиция 1967 года сохранилась в памяти людей старшего поколения. И не только северян, но и большинства жителей страны. Шли годы, и вот, спустя тридцать лет, нам пришла в голову идея организовать плавание под названием «Щелья-2». Но плыть не в Мангазею, а пройти на небольшом парусно-моторном вельботе вдоль Зимнего берега Белого моря.

Девяностые годы прошлого столетия, как многие помнят, – тяжелое для страны время. Но особенно трудным оно оказалось для северной глубинки: теплоходы туда уже не ходили, а самолеты если и летали, то не чаще одного раза в неделю. По-иному добраться до дальних поморских сел и деревень не представлялось возможным... Люди были лишены внимания и заботы, не могли получить самую элементарную медицинскую помощь. По сути дела, оказались брошенными на произвол судьбы... Экипаж «Щелья-2», отправляясь от Красной пристани Архангельска, откуда уходили в свое время на Север многочисленные научно-поисковые группы, посвящая экспедицию тридцатилетию плавания в Мангазею, свою основную цель видел в том, чтобы оказать поддержку людям, попавшим в трудную ситуацию.

Маршрут был рассчитан на десять дней, в течение которых суденышко побывало во всех поморских селах и деревнях, раскинувшихся на пути следования по Зимнему берегу Белого моря. С их жителями состоялись

встречи, были даны концерты, передана гуманитарная помощь, оказавшаяся как никогда кстати. В селе Долгощелье и городе Мезень, в свое время самом северном уезде Российской империи, где заканчивался путь следования, установили памятные кресты.

Вначале думали, что на этом поставим окончательную точку в истории «Щельи». Но... в то же время отдавали себе отчет в том, что это будет несправедливо по отношению к жителям других поморских деревень. Поэтому наши экспедиции в разном составе продолжались и в последующие годы. Всего их было шесть. Мы побывали в поморских селениях Зимнего и Летнего берега, на Соловках, в Кеми, – это уже Карелия, в поселке Умба, расположенном в Мурманской области. Прошлись и по северным рекам – Мезень, Кулой и Сояна. Кто только не был участником плаваний на «Щелья-2»! Врачи, самодеятельные артисты, журналисты и даже священники, которые впервые за восемьдесят лет проводили обряд крещения поморов и освящали их дома.

Сама по себе идея, заложенная участниками экспедиции «Щелья-2», заслуживала внимания и поддержки. Но, к сожалению, у нее не нашлось последователей. А жаль! И сегодня об этих экспедициях нам напоминают только книги: «Мангазейский ход», «Путешествие на “Щелья”», «По следам легендарной “Щельи”»...

*Михаил Вениаминович Буторин,
г. Санкт-Петербург*